

РОССИЯ ДОЛЖНА СОХРАНИТЬ ВЕЛИКУЮ КУЛЬТУРУ

МИНИСТР КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Михаил Ефимович Швыдкой

Формирование государственной программы в области культуры должно исходить из главного обстоятельства – никакого сильного государства не может существовать вне нравственной ценностной системы. Система ценностей, которую формирует культура, безусловно, может быть использована государством в своих практических целях.

Сегодня мы чувствуем, что в системе нравственных ценностей, традиционных для России, есть некоторые бреши. Мы никогда – ни в советское время, ни, думаю, в царской России – не испытывали того конфликта между культурой и цивилизацией, который существует сегодня. Нам казалось, что этот конфликт – между стандартом жизни, удобством жизни и духовными ценностями – это конфликт западный, для России неведомый. За последние десять лет стало ясно, что цивилизация и культура существуют в некотором конфликте, и этот конфликт мы испытываем на себе. Он проходит через наши души, когда нужно выбирать между героикой жеста, между высотами духовной жизни и повседневным бытом. Западная модель развития культуры предполагает одну очень существенную вещь: потребление культуры становится одной из составных частей потребительской корзины, что для России традиционно неприемлемо.

Мы сегодня переживаем довольно сложный период формирования собственной культурно-ценностной системы. И Министерство культуры должно заниматься созданием условий для того, чтобы эти ценности стали нормой жизни. Мы пытаемся заложить понимание культуры не просто как некоего инструмента для создания нравственных ценностей государства. Культура в России – нечто более объемлющее. Культура нужна для развития творческого потенциала страны, этот потенциал создаст ту нравственную систему, которая сегодня так необходима государству. Это самое главное, и вот наглядный пример: дети, которые ходят в театр не меньше пяти раз в год, начинают лучше успевать не только по русскому языку и литературе, но и по математике, физике и в естественных науках. В них пробуждается творческое начало, которое так важно для формирования личности.

В последние годы мы поняли и еще одну важную вещь – нужно отказаться от эстетических и идеологических пристрастий в области культуры. Можно все, что не противоречит закону. Это то, что за последние десять лет сформировалось как важная ценность в нашем обществе. При этом необходимо соединить патернализм государства в отношении культурного наследия и гарантии со стороны государства в сфере свободы творчества. Это – две незыблемые вещи и два незыблемых понятия. Без патернализма государства нельзя сохранить культурное наследие, без свободы творчества нельзя развивать культуру. Государство должно выступить гарантом – и финансовым, и юридическим.

Мы живем в многонациональной стране, хотя впервые Российская Федерация стала на 80 процентов страной мононациональной, 80 процентов людей в стране – это русские люди.

В то же время Российская Федерация – страна многонациональных культур, многонациональной российской культуры. 90-е годы дали вспышки национального самосознания в разных национальных субъектах Российской Федерации. Они нам казались избыточными, быть может. Но сейчас маятник качнулся в другую сторону, и все понимают, что только во взаимоуважении и взаимном обогащении культур может родиться российская культура. Нам очень важно сохранить культурное единство России, единое культурное пространство.

Когда мы сегодня говорим о России, то прежде всего – это страна великой культуры, и это – важный потенциал будущего развития страны вообще.

Совершенно очевидно, что финансирование культуры определено некоторыми базовыми законами. Сегодня обсуждается новая редакция закона «Основы законодательства о культуре». Я имею в виду запись о том, что не менее двух процентов от бюджета страны и не менее шести процентов от бюджета субъекта Федерации должны расходоваться на культуру.

Ясно, что сегодняшние 0,67 и завтрашние 0,8 – это не два. Ясно, что в ближайшие годы у государства нет возможности подойти к этим цифрам. Но мне представляется, что в «Основах законодательства» эти цифры должны остаться и в новой редакции. Это некий очень важный ориентир, очень важное понимание того, что должно быть. Несмотря на то, что я согласен: если закон не выполняется, он может быть приостановлен на год, на два, на три. Не проблема. Но цифры эти, с моей точки зрения, должны остаться.

В программе заложена попытка переломить очень существенную и очень болезненную проблему. Сегодня заработная плата работников культуры составляет 42 процента от средней заработной платы в промышленности, хотя и в «Основах законодательства о культуре», и в других законодательных документах записано, что эти две позиции должны совпадать – средняя заработная плата в культуре и средняя заработная плата в промышленности. В той программе, которая предложена Правительству, есть попытка изменить эту ситуацию.

Сегодня российские деятели культуры активно работают на мировом рынке труда. Они востребованы во всем мире, лучшие из них давно уже живут по законам мирового разделения труда. Они работают в разных государствах, оставаясь гражданами России и оставаясь людьми, которые вносят вклад, и бесценный чаще всего вклад, в развитие русской культуры. Поэтому, естественно, вопрос оплаты этих мастеров стоит достаточно остро, и это тоже заложено в программе.

В настоящее время высшие музыкальные учебные заведения выпускают более сотни скрипачей. Между тем руководитель одного известного симфонического оркестра недавно жаловался мне – ему для работы необходимы два скрипача, он не может найти даже одного. Люди предпочитают работать за границей где угодно, даже в ресторане. Это все равно выгоднее. По всему миру в оркестрах работает огромное число наших музыкантов: мы влияем, таким образом, на развитие мировой культуры. И это, конечно, очень хорошо. Но ведь, с другой стороны, выходит, что за счет совсем не богатых российских налогоплательщиков мы бесплатно готовим миру артистов. Артистов высочайшего класса. И после того, как они получили прекрасное образование, не можем обеспечить их достойной работой у себя в стране. Если мы хотим сохранить у себя кого-то достойного, котирующегося на мировом рынке труда, мы должны платить что-то похожее на деньги. Уверен, что платили бы мы оркестрантам по 300–600 долларов, музыканты перестали бы уезжать. Тут все-таки привычная жизнь, окружение, сносная квартплата, наконец.

Необходим переход на контрактную систему, хотя он и сопряжен со множеством трудностей. Мы подготовили список учреждений, составляющих так называемое ядро российской национальной культуры, которые собрались перевести на контракты. Но после этого меня буквально осадили руководители оркестров, умоляя либо не переводить никого, либо перевести всех. А всех – не имеет смысла. Государство по-прежнему не сможет выполнять взятых на себя обязательств. Потому что платить 1000–1500 рублей – это не означает выполнять свои обязательства. Утечка талантов будет продолжаться. Имеются в виду, конечно, прежде всего музыканты. С драматическим театром проще: там действует языковой барьер. Но и там есть свои проблемы – кризис института главных режиссеров, миграция режиссеров внутри страны. Сейчас никто не хочет быть главным режиссером и отвечать за все, что происходит в театре, за какие-нибудь четыре тысячи рублей. Тем более что этот самый главный режиссер наблюдает, как к нему в театр приезжает режиссер приглашенный и на спонсорские деньги и за спонсорское вознаграждение – скажем, три тысячи долларов – ставит спектакль, ни за что, кроме этого спектакля, не отвечая. Почему бы ему самому не попытаться куда-нибудь поехать и что-нибудь поставить, пусть и за меньшие деньги – все равно выйдет больше, чем его зарплата.

Невозможно ничего сохранить насильственным путем. Можно назначить человека худруком, но нельзя назначить режиссером. Что касается русского репертуарного театра, то он вовсе не тождествен тому типу советского театра, который формировался в результате известных сталинских постановлений. Идея репертуарного театра с тем ностальгическим оттенком, с которым она существует сегодня, во многом связана с мифологией того времени, когда в театре было лучше, чем в жизни. Тогда в театре люди прятались от жизни, потому что театр был тем домом, где можно было дышать. Традиции русского театра могут сохраняться иначе. Они ведь и складывались многообразно. Общедоступный МХАТ в конце концов существовал по другой схеме, чем МХАТ советский. Традиционны в России до революции были и замечательные антрепризы. Представление о театре как о художественном организме доминировало в сознании многих. Сейчас проблема в том, что люди не хотят быть главными режиссерами, они хотят быть хозяевами какого-то дела. Например, известный режиссер Валерий Фокин возглавил Центр Мейерхольда, где театр – только одно из направлений деятельности.

В проекте бюджета на 2001 год мы сумели заложить увеличение более чем на 30 процентов основных базовых показателей, а в области кинематографии они увеличены на 40 процентов, потому что кинематография – наиболее финансово емкая сфера деятельности, это сфера, соединяющая искусство и производство, и, мне кажется, что это вполне справедливо.

Одной из важнейших проблем государственной политики в области культуры сегодня является то, что в советское время было принято называть «государственным заказом», хотя в то время никто никому ничего не заказывал, скорее, приказывал. И это вполне аккуратно выполнялось. Сегодня же это понятие приобретает вполне рыночные характеристики. В сущности, это и есть государственная политика: определить – с помощью общественного мнения, экспертов, – что сейчас наиболее нужно и значимо, и, разумеется, заплатить за это, то есть добавить какие-то деньги к тем, что выделяются на содержание учреждения культуры, выполняющего заказ.

Российская культура вошла в рынок очень быстро, активно и стремительно. Приблизительно к 1998 году был сформирован механизм хозяйствования, адаптированный к новым рыночным условиям. Тем не менее все параметры рынка культурного развития, естественно, еще не отработаны. Государственная программа развития культуры предполагает нормальный путь, который принят сегодня во всем мире, – это гранты, это заказы на некоторые произведения, это заказы на научные работы, которые сегодня необходимы для создания культурной политики государства.

Например, очевидно, что никакой рынок сегодня не сможет спровоцировать создание детского кино. В этой области нужна государственная политика, как и в области анимации, которая очень сильно пострадала в рыночных условиях. Ясно, что сегодня очень трудно издавать книги. Эти сферы деятельности требуют поддержки государства и государственного финансирования подобных проектов.

Еще одна проблема, которая волнует всех, – это проблема инвестиций. Сегодня, к сожалению, это проблема не только культуры, но и проблема всей социальной сферы. По проек-

ту бюджета на 2001 год на всю социальную сферу планируется всего 900 млн. рублей инвестиций. Это значит, что культура получит 178 млн. рублей, то есть всего 43 процента от нынешнего года. С этим невозможно согласиться.

Мы 15 лет не можем достроить Центральную музыкальную школу. Это просто позор. Мы не можем по-настоящему, всерьез реконструировать и модернизировать Российскую государственную библиотеку. На подходе работы в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Более чем серьезных вложений требуют Большой театр и Музей изобразительных искусств им. Пушкина. 178 миллионов рублей – это, например, только четвертая часть того, что нужно для завершения строительства филиала Большого театра. И это – только не полный перечень проблем Москвы, а ведь речь идет обо всей стране. Естественно, что это очень тревожит. Сейчас идет работа с Министерством экономики и с Министерством финансов о решении проблем в области инвестиций.

Совершенно очевидно, что сегодня чрезвычайно важна реформа экономических механизмов в области культуры. Думаю, что за два-три года мы успеем провести настоящую реформу экономических механизмов, но это требует, с одной стороны, прозрачности бюджета, а с другой стороны, разумности. Отношения внебюджетных средств и, скажем, некоторых казначейских служб вызывают тревогу. Здесь нужна большая четкость, прежде всего Министерства культуры.

Не менее важен вопрос отношения культуры и имущества в целом. Думаю, что есть возможность и есть законодательные к тому основания, чтобы управление имуществом в сфере культуры было доверено именно органам культуры. Это сразу отразится на качестве реставрации памятников в стране, отразится на эффективности использования тех ресурсов, которые в культуре есть.

Годы перестройки, 90-е годы, были очень непростыми для всей страны, в том числе и для культуры. Деятели культуры и организации попадали иногда в юридические коллизии, к которым были не подготовлены. Достаточно назвать ситуацию со студией «Союзмультфильм», когда просто вся коллекция анимации была изъята из государственного пользования и передана частной структуре, которая до сих пор ею пользуется и ничего не хочет отдавать. И такого рода юридических коллизий было много.

Сейчас настало время пересмотра многих законов о культуре и правительственных актов, а не только Закона об основах законодательства о культуре. Изменилась жизнь, изменилось время, и программа развития культуры все эти вопросы предусматривает. Сегодня от того, насколько активно государство будет работать на рынке развития культуры, зависит очень многое.

Мы не решим многих национальных проблем, если культура не займет в обществе то место, которое она должна занимать. Это вопрос не только качественный, но и количественный. Это, например, вопрос количества ежегодно выпускаемых в России кинокартин. Национальный кинематограф начинается с 50–52 картин в год, поэтому, если выпускается 27 картин, этого недостаточно. Это вопрос количества спектаклей по новым произведениям драматургии. Это вопрос активности композиторской и художественной деятельности. Здесь государство может и должно играть более активную роль.

Нынешний бюджет на культуру складывается из двух частей. Приблизительно две трети идут на содержание федеральных учреждений культуры – на их непосредственную деятельность, зарплату, оплату коммунальных услуг, текущий ремонт и т. д. Одна треть – на то, что мы называем программной деятельностью. Это гранты, стипендии, затраты на внедрение высоких технологий, на реализацию проектов, необходимых для развития того или иного учреждения культуры. Деньги, которые могут быть даны каким-то новым студиям на абсолютно новые проекты. И, наоборот, – известным коллективам на своего рода госзаказ. Я хочу, например, заказать детские программы симфоническим оркестрам. И с нашей службой кинематографии мы решили, что в 2000 году поддержим детское кино, потому что больше его никто не поддержит, – оно не «рыночно».

Собственно «программная» часть бюджета составляет примерно два миллиарда рублей. И это помимо кинематографии – у нее свои «отдельные» 700 миллионов. Есть еще инвестиционные деньги – приблизительно миллиард рублей. Наконец, есть деньги, предназначенные для Большого театра, тоже преимущественно инвестиционные. Так в целом складывается бюджет на культуру. Конечно, он маленький. В Германии, например, бюджет культуры составляет 900 миллионов долларов, у нас – почти втрое меньше.

Сегодня российские работники культуры получают нищенскую зарплату. 500–600 рублей, которые получает библиотекарь, проработавший 10–15 лет в федеральном учреждении культуры, – это беда и позор. Не должен библиотекарь в бывшей библиотеке им. Ленина получать 500 рублей после 15 лет работы. Столько же получает театральный артист. При этом у артиста, даже у плохого, которому платят четыре или пять сотен рублей, хотя бы есть моральная компенсация за это унижение, когда он выходит на поклон перед публикой. У библиотекарей и музейщиков нет и ее. И, конечно, люди, которые соглашаются работать при таких условиях, – это великие люди.

«Дополнительные» 500 миллионов рублей из бюджета пойдут на надбавки к зарплате работникам культуры и искусства, что позволит на 60 процентов увеличить жалование всем работникам сферы культуры. Финансирование же «ядра российской культуры», включая зарплату персонала, должно быть увеличено в разы. Не на 20 процентов и на 30. А в разы! Причем как только будет вычленено «ядро» национальное, российское, то же произойдет в регионах. В каждой области есть список, который тоже «от зубов отскакивает»: один театр, одна библиотека, одна галерея...

Еще одна назревшая сегодня проблема – это введение контрактной системы. Здесь есть свои юридические сложности. Наш КЗоТ – в отличие от нашего Гражданского кодекса – не предполагает договорных отношений в той форме, которая представляется нам целесообразной. Встает вопрос о социальной защите людей, работающих по контракту. Необходимо законодательство, которое обеспечивало бы, например, контрактникам пенсию.

Мы ведем сейчас активную работу с Минтрудом и другими ведомствами, чтобы решить эту проблему. Необходимо подготовить специальное постановление Правительства. Очевидно, что оплата труда скрипача ведущего симфонического оркестра не может и не должна быть сопоставима с оплатой труда скрипача оркестра областного драматического театра.

Первые же деньги из дополнительных доходов 2001 года пойдут на контрактную систему. Переход на нее будет целесообразным, если нынешнюю зарплату в сфере культуры увеличить минимум в три раза. Иначе работать в элитных учреждениях культуры будет по-прежнему невыгодно. Моя позиция очень проста: государство должно нести ответственность за МХАТ, Большой театр, Эрмитаж и т.д. За объекты культуры, составляющие национальное достояние, гордость России. Нужно создать сегодня условия для того, чтобы достойно существовало это ядро искусства и культуры, за которое государство несет неукоснительную и повседневную ответственность.

Все остальное должно существовать в условиях действительно рыночной, действительно либеральной экономической конкуренции. Остальные могут быть переведены на конкурсную основу. Мы прожили почти целую жизнь в стране, где все было «навсегда». И формально продолжаем в ней жить до сих пор. Действующий до сих пор КЗоТ практически не позволяет говорить о контракте. Относительно недавно принятый Гражданский кодекс уже позволяет заключать контракты, а КЗоТ – так и нет. У нас коллизия законов сохраняется очень серьезная. Необходимо осознанное усилие, чтобы ее преодолеть. Всем, все и навсегда – не бывает.

Контракты с работниками учреждений культуры будут заключаться сроком на два–три года. По истечении срока будет проводиться аттестация, в результате которой контракт может быть продлен или не продлен. Сейчас мы разрабатываем механизм этой аттестации.

В принципе эта контрактная система уже начала действовать. С Олегом Павловичем Табаковым был заключен срочный контракт, когда он занял пост художественного руководителя МХАТ. У него отнюдь не пожизненный мандат на руководство. С Василием Серафимовичем Синайским, главным дирижером Государственного симфонического оркестра, тоже заключен срочный контракт. С Геннадием Николаевичем Рождественским – тоже срочный контракт на три года. Психологически это сначала трудно было осознать. Мне говорили: как же так, через три года о самом Рождественском кто-то станет судить? Да, и это – нормально, это – мировая практика.

В принципе по итогам каждых 3 лет, в редких случаях – каждые 5 лет для музыкальных и драматических театров нужно проводить нормальную аттестацию. Проводить анализ ситуации и решать: продлевать контракт или не продлевать? В.И. Немирович-Данченко писал в одном из писем к Чехову: «Артисты думают, что театр существует для того, чтобы они в нем играли». Деятели культуры в силу своего вполне понятного эгоцентризма думают, что все,

в том числе и Минкультуры, существует исключительно для них. Министерство же прежде всего существует для граждан России и должно заботиться о том, чтобы им была предоставлена услуга в области культуры, и услуга качественная.

Разработка системы перехода на контрактную систему требует тщательности и продуманности. Многого должно быть учтено. В сфере культуры есть коммерческие предприятия, есть социальные учреждения. Библиотеки и музеи – это в основе своей социальные учреждения. Музейный или библиотечный работник – это социальный работник. С ним должен быть пожизненный контракт. Впрочем, опять – с большим разбором: с хранителем музея – пожизненный. А вот с научным сотрудником – уже не уверен. С научным сотрудником может быть контракт временный, только он должен предусматривать выплату ему настоящих денег за настоящую работу, заказанную ему на заранее оговоренное время.

Что касается региональной культуры, то здесь задачи Министерства культуры сводятся прежде всего к тому, чтобы оказать моральную поддержку, вести методико-разъяснительную работу и программно поддерживать учреждения культуры. Бюджетного финансирования нет. И серьезного вмешательства, разумеется, мы позволить себе не можем. Есть региональные и муниципальные власти, которые, как мне кажется, должны прислушиваться к мнению министерства, но не более того. В последнее время очень вырос местный патриотизм. В положительном смысле. Каждый губернатор, каждый мэр хочет, чтобы у него все было не хуже, чем у других. И они действительно много делают для культуры.

Как ни странно, вплоть до 90-х годов при всей чрезвычайной сложности экономической ситуации, при всей провинциальной нищете государство набирало на себя все новые и новые обязательства в отношении культуры. Открывались оркестры, их начинали финансировать из государственного бюджета. Открывались театры, их тоже брали на содержание. Бюджеты всех уровней задыхаются от количества тех, кто «имеет право», кто «не хуже других». Сто театров в Петербурге, двести театров в Москве. Никто не знает, сколько в точности, но всем что-то положено.

Люди, которые чувствовали себя маргиналами, андерграундщиками и на осознании этого, собственно, жили и были счастливы, вдруг захотели официального статуса. Причем официального статуса опять же «навсегда». Хотя с такими учреждениями необходимо было заключать временные соглашения, по истечении которых смотреть – получилось ли что-то особенное из этого новообразования.

Если посмотреть, например, на театральную карту Москвы, то из всего обилия возникших за последние 20–30 лет новых театров удержались всего несколько – театр-студия «Человек», которому исполнилось 25 лет. Это студия без труппы, там играют артисты разных театров. Это Театр-студия на Юго-Западе, Театр Марка Розовского. Но многие не оправдали надежд, иные не выдержали конкуренции.

Мы часто говорим о том, что во всех бедах культуры виновато государство. С этим я хотел бы поспорить. Да, государство многих обязательств в 90-е годы не выполнило, но было нечто более важное. Была та свобода творчества, которой не было никогда в стране. Весь вопрос в том, насколько успешно мы этой свободой творчества успели воспользоваться. Я говорю «мы», потому что я все-таки числю себя по ведомству культуры, а не по ведомству политическому.

Жизнь предложила нам много искушений в 90-е годы, в том числе и для художников, и для деятелей культуры, и эти искушения были очень властными. Я иногда вспоминаю фразу Василия Розанова, который сказал: «В России великая литература и скверная жизнь. Я предпочел бы, чтобы жизнь была великой, и тогда литература может отступить на второй план», – и внутренне полемизирую с ним. Мне кажется, что мы живем в особой стране, в которой величие жизни не должно отражаться на величии культуры, и надо постараться соединить эти два призыва, два вызова истории, которые сегодня, безусловно, властно звучат в нашей современной реальности.